

Никогда нельзя было предугадать, что случится ночью в лесу. Даже спустя месяц после того, как они впервые попали в Самар, Юджин и Кристина все еще по очереди стояли на страже каждую ночь.

К первоначально состоявшей из двух человек партии добавилась Нарисса. Чуткий слух эльфийки, конечно, позволял внимательно следить за окружающей обстановкой, но поскольку Нариссе не хватало сил, чтобы защитить себя в случае необходимости, они не могли позволить ей стоять на страже в одиночку.

Поэтому и сегодня вечером Юджин и Кристина были единственными, кто по очереди стоял на страже.

Он не знал, как Святая может воспринять его действия, но юноша все равно решил по-своему проявить уважение и внимание к Кристине. Как правило, первые и последние часы ночи были самыми удобными. Поэтому каждый день Юджин уступал девушке первую и последнюю вахты, а сам брал на себя самую сложную вахту в середине ночи.

Нежный голос вдруг позвал его по имени: Сэр Юджин.

Одного этого было достаточно, чтобы глаза юноши открылись. Затем он легко поднялся со своего спального места, не выказывая никаких признаков усталости. Кристина присела прямо у входа в его палатку.

— Есть какие-нибудь доклады? — уточнил Юджин.

Святая покачала головой: Ничего не случилось.

Ночью по этому лесу бродили монстры. При обычных обстоятельствах лагерь уже должен был получить несколько атак от этих монстров, но барьер Кристины смог скрыть их лагерь от их восприятия.

Тем не менее, они не могли просто слепо доверять барьеру и не стоять на страже. Если в других вопросах Юджин был довольно ненадежен, то когда дело касалось подобных вещей, он всегда был дотошен. Это объяснялось тем, что за время его скитаний в качестве наемника не раз случалось, что он оказывался в опасности, когда глупые наемники, с которыми он работал, ослабляли бдительность во время ночного дозора.

— Разве ты не чувствуешь усталости? В конце концов, сегодня ты был довольно активен. Я не чувствую себя уставшей, так почему бы тебе просто не поспать сегодня? — предложила Кристина.

Казалось, что девушка проявляет такое внимание, потому что сегодня ему пришлось иметь дело с воинами племени Гарунг. Юджин лишь ухмыльнулся в ответ на заботу Кристины.

— Во первых, я даже не получил достаточной нагрузки, чтобы измотать себя, — успокоил ее юноша. — Я обязательно разбужу тебя через пять часов, так что не волнуйся об этом и отдохни.

Кристина не стала спорить и просто кивнула. Когда она еще не была так хорошо знакома с Юджином, как сейчас, было несколько случаев, когда девушка продолжала спорить с юношей по подобным вопросам.

Но к этому времени она уже поняла. Когда дело касалось подобных вопросов, Юджин всегда отказывался отступать. Дело не в том, что он игнорировал внимание, которое оказывали ему другие, просто юноша был чрезвычайно строг к стандартам, которые сам для себя установил.

— ...Хорошо. Тогда я буду рассчитывать на тебя, — сказала Кристина, склонив голову и удаляясь от входа в его палатку.

После грубого приведения своей причёски в порядок, Юджин вышел из палатки. Это была хорошая идея с его стороны — подготовить несколько палаток. Убедившись, что Святая ушла отдыхать в свою палатку, юноша присел перед костром. Нарисса спала в одной из его запасных палаток, которая была установлена по другую сторону костра.

— ...Кхм. — Юджин прокашлялся, распахнул плащ и достал книгу.

Книга была магическим учебником, который он уже несколько раз перечитывал. Он получил этот учебник от Ловеллиана в тот день, когда покинул Арот.

«Мне следовало отправить письмо учителю Ловеллиану, когда у меня была такая возможность», — сожалел Юджин.

В душе он искренне уважал Архимага как своего учителя.

Тот факт, что Ловеллиан был старше его, даже если прибавить к его нынешним годам возраст его предыдущей жизни в качестве Хамела, только углубил его уважение. Для юноши это была очень важная причина, по которой он должен уважать наставника.

Прошло довольно много времени с тех пор, как он начал читать. Ночной лес был далеко не тихим. Звуки стрекотания насекомых были очень громкими, и каждый раз, когда дул ветер, толстые ветви деревьев раскачивались друг о друга. Он даже мог слышать звуки монстров на небольшом расстоянии.

— ...Кхм. — Юджин снова кашлянул.

С самого первого дня их похода в этот лес Кристина показала себя любительницей глубокого сна. Сегодняшний день стал еще одним примером того же поведения. Святая заснула, как только устроилась на ночлег, и из палатки доносились только звуки спокойного дыхания.

Юджин вздохнул и сложил свою книгу:

— ...Есть ли что-то, чего ты хочешь от меня?

Эти слова не были адресованы Кристине, которая уже крепко спала. Палатка на противоположной стороне костра слегка задрожала, прежде чем заслонка у входа медленно поднялась.

Нарисса выглянула из палатки.

— Эм, это... Мне жаль...

— Я сказал тебе перестать извиняться, — напомнил ей юноша.

Плечи эльфийки поникли от такого ответа. Юджин спокойно подбросил в костер еще немного дров.

— Это потому, что в лесу слишком шумно? — спросил юноша. — Или потому, что, пережив сегодня столько всего, ты так боишься, что не можешь заснуть?

«...» — Нарисса молчала.

— Что ж, позволь мне сказать вот что, поскольку я боюсь, что у тебя могут быть какие-то странные опасения. У меня нет намерения бросать тебя, пока ты спишь. Это не значит, что я забочусь о тебе исключительно по своей доброй воле. Я защищаю тебя, потому что ты мне для кое-чего нужна, — убеждал ее Юджин.

— ...Если это так, то... как я и думала... — пробормотала Нарисса себе под нос. После нескольких мгновений колебаний она вдруг кивнула, как будто пришла к какому-то решению.
— ...Я не возражаю, если это будет с вами, сэр Юджин.

— Что? — юноша спросил от удивления.

— Я ожидала, что вы обратитесь с такой просьбой, и подготовилась к этому. — Нарисса внезапно покраснела и заикнулась: — Ах, нет, подождите. Скорее не ожидала, а думала, что чего-то подобного... ну, этого не избежать, так что... вместо того, чтобы лечь спать, я ждала вас...

Юджин прервал ее:

— Эй, подожди минутку, я не уверен, что понимаю, к чему ты клонишь. Ты чего-то ждала? Чего-то, чего нельзя избежать? И ты ждала? Меня? Ждала чего именно?

— ...Ну... У меня много шрамов на теле, и с моей отсутствующей ногой в качестве недостатка... Я, возможно, не смогу удовлетворить ваши стандарты, сэр Юджин, — призналась Нарисса подавленным тоном.

— Почему наличие шрамов на твоём теле означает, что ты не сможешь соответствовать моим стандартам?... — жестко спросил юноша, его щеки дергались от подавляемого возмущения.

Нарисса задыхалась и начала дрожать, затем, сделав несколько глубоких вдохов, она нерешительно спросила:

— ...Может ли быть так, что вы предпочитаете тело с большим количеством шрамов, сэр Юджин?...

Юноша не был идиотом. Он мог догадаться, какой сценарий представляла себе эльфийка, и чего она от него ожидала. Живя в качестве рабыни, она, безусловно, прошла через множество сложных ситуаций, так что он не мог понять, почему ей пришла в голову такая идея, но Юджин все равно остался крайне расстроенным.

— Эй. У меня нет планов заползть в твою палатку, и у меня нет намерения заставить тебя вернуть мне долг своим телом, — четко заявил Юджин.

— ...А?... — произнесла Нарисса, ошеломленная.

— И каким же человеком ты меня представляешь? Боже, такой ребенок, как ты, действительно осмеливается говорить практически все, что угодно, — насмеялся юноша.

При этих словах у Нариссы отвисла челюсть. Он действительно назвал ее "такой ребенок, как ты"? Эльфийке было 130 лет!

— Конечно, я знаю, что ты прожила более долгую жизнь, чем я, но если перевести твой возраст в человеческие годы, то тебе все равно всего 13 лет, — настаивал Юджин.

— Ах... да... — пробормотала Нарисса, несколько мгновений глядя на юношу, затем выпрямилась и склонила голову перед ним. — ...Я очень... очень благодарна вам, сэр Юджин.

— Я говорил тебе, что не за что быть благодарной. Сколько раз я должен повторять, что беру тебя с собой, потому что мне кое-что от тебя нужно? — спросил юноша.

— ...Вы говорите о Хранителе эльфийской деревни, верно? Если мне удастся встретиться с Хранителем, я обязательно передам ему, что вы, сэр Юджин, очень добры ко мне, — пообещала Нарисса.

— Конечно, ты должна обязательно сказать ему об этом. Хотя я могу не знать, кто этот чёрт Хранитель, если этот ублюдок попытается отказать мне из-за того, что я человек, у тебя будет очень важная роль. Ты ведь понимаешь, о чем я говорю? Это значит, что ты должна не дать ему сбежать, даже если тебе придется броситься к его ногам, — сказав это, юноша снова открыл свой магический учебник.

Даже когда Юджин продолжал игнорировать ее, Нарисса продолжала смотреть на юношу взглядом, полным восхищения его праведными словами и делами.

«С таким красивым лицом, как у меня, гораздо легче очаровать этих эльфов», — размышлял Юджин.

Строго говоря, он не пытался очаровать ее, но юноша чувствовал, что результат все равно был чем-то в этом духе.

Ночь продолжала идти. После того как пролетело 5 часов, Юджин поменялся сменами с Кристиной и заполз обратно в свою палатку. Хотя он не чувствовал особой потребности в отдыхе, он все равно закрыл глаза и заснул. Даже если вам не нужно было делать перерыв, вы все равно должны отдыхать, когда можете, и спать, если у вас есть такая возможность.

Юджин был знаком с этими привычками из своей прежней жизни.

Прошло много времени с тех пор, как он в последний раз видел сон.

Обычно у него не было четких снов. Когда он засыпал, он погружался в глубокий сон без сновидений, который, тем не менее, позволял ему мгновенно просыпаться, когда это было необходимо.

Сны просто оставляли разум более уставшим после пробуждения. По этой причине Юджину не очень нравилось видеть сны.

Будь то счастливые, грустные или обычные сны о повседневной жизни, сны не были реальностью. Юноша не знал, почему люди видят сны, но что он знал точно, так это то, что сны не могут занять место его реальности.

В его предыдущей жизни, после победы над Королем Демонов Безумия, их путь к борьбе с Королем Демонов Заточения был одним длинным кошмаром. Ведь их целью был второй по

рангу из всех Королей Демонов. Как и следовало из его ранга, Король Демонов Заточения имел под своим началом как могущественных подчиненных, так и огромные армии.

Одной из них была королева ночных демонов Нуар Джабелла.

Строго говоря, она не была настоящей подчиненной Короля Демонов Заточения. Хотя она еще не достигла той степени, когда ее можно было назвать Королем Демонов, даже тогда Нуар Джабелла была могущественной "королевой" демонов, которой служило огромное количество Ночных Демонов.

Во время их путешествия к Королю Демонов Заточения, Нуар Джабелла неоднократно нападала на Хамела и его спутников. Она была адски упорна, постоянно появлялась в их снах, вместо того чтобы противостоять им наяву, пытаясь сломить дух Хамела и его товарищей.

Благодаря этому опыту Юджин опасался снов, ненавидел кошмары и искренне ненавидел всех Ночных Демонов. Атаки Нуар Джабеллы измучили их отряд до такой степени, что их боль была сравнима с той, что они испытали, сражаясь с Королями Демонов Резни, Жестокости и Безумия. И в некотором смысле, иметь дело с ней было даже страшнее, чем сражаться с Королем Демонов.

«...Это...» — Юджин понял, что испытывает сильное чувство отчуждения от своего нынешнего сна.

Это должно было быть что-то вроде осознанного сна, поскольку Юджин полностью понимал, что сейчас находится в середине сна. Однако, несмотря на то, что он осознавал, что сейчас видит сон, юноша не мог использовать свою волю для контроля над ним. Оказавшись в этом сне, не в силах ничего изменить, Юджин просто бесцельно стоял на месте.

«...Может ли это быть атакой Ночного Демона?» — заподозрил Юджин.

Запертый во сне, где он не мог контролировать свое окружение, юноша чувствовал себя на грани.

С его воспоминаниями о прошлой жизни, ментальная сила Юджина была достаточно сильна, чтобы отразить любые обычные атаки. Но даже несмотря на это, юноша не смог заметить, когда эти изменения были внесены в его обычный режим сна. Чтобы Ночной Демон мог так тонко вмешиваться в его сны, он должен был быть очень высокого ранга.

«С каких пор... меня затянуло в этот сон? Я просто...» — замялся Юджин. Чтобы попытаться сохранить спокойствие, юноша решил сосредоточиться на чем-то другом. «Я — Юджин Лайонхарт, реинкарнация Хамела Динаса трехсотлетней давности. Я сын Герхарда Лайонхарта и приемный ребенок Гилеада Лайонхарта. Я ученик мастера Красной Башни Ловеллиана».

Похоже, у него не было проблем с памятью.

«Этот сон... он как-то отличается... от атаки Ночного Демона», — понял Юджин.

Это не было нападением. В нем не было того неприятного, липкого ощущения, которое обычно возникало при нападении Ночного Демона.

Мир снов содрогнулся вокруг него.

«Ох...» — юноша вздохнул.

Хотя он видел это впервые, оживающая перед ним сцена показалась ему знакомой. Сейчас он находился в центре просторной подземной комнаты. Перед ним огромный мускулистый человек нес статую, в несколько раз превышающую его собственное тело.

— Здесь все должно быть в порядке, — сказала гигантская фигура.

— Что значит "все должно быть в порядке"? — Женщина отругала его. — Центр комнаты находится немного дальше, хотя нет, иди назад... Сиенна, что ты думаешь?

Сиенна всхлипнула в ответ, глядя вниз с того места, где она парила. — Немного... ик... справа... ик... всхлип... Т-там.

Мужчина внезапно остановился, почувствовав, как на его голову капает жидкость. — ...Как удивительно!... Дождь идет так далеко под землей. Хамел, Хамел! Это ты? Ты пришел навесить нас из своего места отдыха и проливаешь эти слезы? Не плачь, Хамел! Мы не... Я никогда не забуду тебя!

Женщина вздохнула.

— Молон, пожалуйста, не говори таких глупостей. То, что сейчас падает на твою голову, это не капли дождя. Это слезы Сиенны.

— О, действительно... Я думал, что они слишком соленые, чтобы быть каплями дождя.

— Не надо, не пей их, тупой ублюдок. Какого черта ты глотаешь мои слезы?!

Женщина утешила ее.

— Не плачь, Сиенна. Хамел не хотел бы, чтобы ты плакала по нему.

Хамел... Хамел, этот сукин сын!... Почему он должен был так умереть? Просто почему?!... Ему не нужно было умирать. Если бы он просто... если бы он просто повернул назад...

— Волшебница замолчала, ее гнев был подавлен ее горем.

— ...Сиенна. Хамел был великим воином, которого мне остается только признать. Он был более великим воином, чем я, Молон из племени Байар. Хамел... он должен был хотеть умереть как воин.

Сиенна снова пришла в ярость.

— Он хотел умереть как воин? Не морочь мне голову, Молон!... Неважно, как ты умрешь, ты просто умрешь. Какая разница, умрешь ли ты воином? Вместо того, чтобы умирать как воин, лучше бы просто жить как человек!...

Задохнувшись от осознания, Юджин замер, наблюдая за происходящим. Он действительно видел это место не в первый раз. Это была могила Хамела, вырытая глубоко под пустыней Нахама. Это была сцена, когда могила только создавалась.

Молон воздвиг статую. Проверив ее внешний вид, женщина, Анис, медленно подтащила ноги к одной из стен.

~

— Хамел, у тебя плохая осанка.

— Что ты такое вдруг говоришь?

— Я говорю, что это плохо отражается на всех нас. Я знаю, что твоё детское образование было прервано, и что ты долгое время был наемником, но поскольку ты теперь будете путешествовать с нами, тебе нужно исправить свою плохую осанку.

— Почему?

— Ты действительно спрашиваешь, почему.... Разве ты не понимаешь, в каком положении ты находишься? Хамел, ты — спутник мастера Священного Меча, того, кто признан Священной Империей, Героя Вермута Лайонхарта. А я — святая Священной Империи, Анис Слайвуд.

— Правильно, а я Хамел Динас.

— Почему ты не представила мое имя? Я Молон Рухар. Гордый воин племени Байар и сын его вождя, Дарака Рухара...

— Заткнись, Молон.

— Идиот.

— Хамел!... Не кажется ли тебе, что ты был слишком суров к Молону?!

— Ты также только что посмотрела на Молона и сказала ему заткнуться, не так ли?

— Как бы то ни было, я не называла Молона идиотом. Даже если ты не ошибаешься, называя Молона идиотом, разве ты не видишь, что это очень неуважительно — называть дурака дураком в лицо.

— Я не идиот.

— Хамел, не только твоя осанка плоха, но и то, как ты себя ведешь. Ты просто слишком вульгарен.

— Не кажется ли тебе, что ты слишком суровая?

— Коррекция поведения также важна, но если ты пока будешь держать рот на замке, по крайней мере, люди не смогут узнать, насколько у тебя грязный рот. Так что давай для начала исправим твою плохую осанку.

— А что такого плохого в моей осанке?

— Ты делаешь это прямо сейчас! Не скрещивай ноги. Сиди с прямой спиной. Следите за тем, чтобы не волочить ноги. Это создает неприятный шум. Когда ты идешь, ты должен держать плечи назад, а грудь — в стороны... Теперь о твоём ноже... обрати внимание на свой нож! Ты должен держать его легко, как ручку... где в мире ты найдешь сумасшедшего, который использует нож как топор, когда он просто режет мясо на своей тарелке?!

— Ты смотришь на одного такого прямо сейчас.

~

В первые дни их совместного путешествия Анис довольно долго преследовала Хамела, надеясь исправить его поведение. Это оказались не совсем бессмысленные усилия. Хотя его обычные слова и действия оставались неизменными от начала до конца, благодаря настойчивым и назойливым исправлениям Анис, Хамел, по крайней мере, сумел усвоить и привить себе некоторые манеры поведения за столом.

Несмотря на все это, Анис сейчас сама волочила ноги и шла с поникшими плечами. Каждый раз, когда она волочила ноги, с земли доносился скребущий звук.

— ...Хнык... — плакала она.

Анис действительно плакала. Святая, которая всегда улыбалась, даже когда вгоняла ножи в сердца других людей. Эта Анис Слайвуд действительно плакала по нему.

— ...Всемогущий Бог Света, пожалуйста... пожалуйста, защити и присмотри за этим глупым ягненком. Пожалуйста, води его с милосердием и любовью в его трудном путешествии к месту его последнего упокоения, и если тьма опустится на путь этого ягненка, пожалуйста, освети путь вперед своим светом.

Даже плача, Анис вырезала эти молитвы на стене.

— ...Пожалуйста, сожги своим пылающим факелом все тяготы, оставшиеся от его жизни. Вместо двери, за которой его ждут только боль и отчаяние, открой ему дверь в рай, полный мира и счастья. Если его добрых дел недостаточно для того, чтобы он мог попасть в Царство Небесное, пожалуйста, переложи стоимость разницы на мои плечи, чтобы мы могли когда-нибудь воссоединиться друг с другом в одной загробной жизни.

Молон стоял перед статуей, гордо возвышавшейся в центре комнаты. Его губы были плотно сжаты, когда он смотрел на статую.

Но почему он раздевался именно сейчас? Ему было жарко?

Верно, в пустынях действительно бывает очень жарко, и когда нужно было охладиться, Юджин догадался, что самый быстрый способ справиться с этим — просто раздеться.

Молон был именно таким человеком. Если ему было жарко, он снимал одежду, если холодно — надевал, если он был голоден — ел, а если его мучила жажда — пил.

И если перед ним был враг, он бросался прямо на него, независимо от того, насколько силен был враг.

~

— Молон! Блокируй их!

~

Если кто-то отдавал ему приказ, Молон без раздумий бросался на врага и блокировал его.

— ...Хамел.

Вот почему Молон сейчас плакал.

Не было никакой сложной причины для его слез, просто ему было грустно. Грустно настолько, что слезы наворачивались на глаза, и поэтому Молон плакал.

— ...Я хотел когда-нибудь провести с тобой поединок... чтобы решить между тобой и мной... кто из нас величайший воин.

Молон был из тех, кто просто идет навстречу своим желаниям, но он не был настолько прямолинеен, чтобы вызвать Хамела на поединок.

Была очень простая и естественная причина, почему Молон не сделал этого.

Потому что Хамел был его товарищем.

Его другом.

Если они хотели решить, кто из них величайший воин, им нужно было выложиться по полной, ничего не сдерживая. Только так они могли по-настоящему проверить способности друг друга. Но если бы они так поступили, то один из них или даже оба могли бы получить серьезные травмы.

Именно поэтому Молон не вызвал Хамела на поединок. Даже если ему и пришло в голову решить, кто из них более сильный воин, он не хотел сражаться всеми силами против своего товарища и друга Хамела.

Молон был именно таким парнем.

— Я никогда не дрался с тобой по-настоящему. И с этого момента у меня больше никогда не будет возможности сразиться с тобой. Однако, Хамел, даже не сражаясь, я знаю правду. Я действительно уважаю тебя, Хамел. Ты... ты более великий, храбрый и сильный воин, чем я.

Что касается Сиенны, то она, ничего не сказав, просто опустилась на землю и села на место.

С самого начала сна волшебница плакала. Даже сейчас она все еще плакала. Слезы текли по ее лицу и пачкали пол.

Между рыданиями Сиенна сказала:

— ...Если бы ты не умер... если бы ты жил... этого было бы достаточно. Хамел. Мы могли бы... мы могли бы... быть счастливы. Как никто другой в мире... мы заслуживаем счастья...

Она сказала ему, что хочет жить обычной жизнью, выйти замуж, как обычный человек, родить несколько детей, а потом стать бабушкой.

— Знаешь ли ты? Хамел... Люди говорят, что мы герои. Герои, которые спасли мир. Хаха!...

Потирая покрасневшие глаза, Сиенна посмотрела на статую.

— Хамел. Ты... я уверена, ты бы возненавидел эти слова. Потому что ты сукин сын, и у тебя также дерьмовый характер. Ты, наверное, проклял бы любого, кто назвал бы тебя героем. Героем? Как мы можем называться героями, если мы даже не смогли уничтожить всех Королей Демонов? Я уверена, что ты бы так и сказал.

Сиенна продолжала смеяться, даже когда плакала.

— Мы... мы не смогли завершить нашу миссию. ...Это не могло... этого не могло быть. Верно, конечно, мы не смогли этого сделать. Потому что ты был мертв. Поэтому, Хамел, пожалуйста, не... не обижайся на нас слишком сильно. Даже если это не сейчас, ммм, это может быть невозможно прямо сейчас, но...

Сиенна сжала кулаки.

— Когда-нибудь. Именно так. Когда-нибудь... мы обязательно это сделаем. Чтобы, когда нас назовут героями, мы могли гордиться этим позорным званием. Когда-нибудь мы сможем снова встретиться друг с другом в том мире, который ты так жаждал увидеть.

Сиенна повернула голову, чтобы посмотреть за спину.

— Потому что он дал клятву на этот счет.

За ней стоял Вермут.

Вермут смотрел на статую, держась на небольшом расстоянии от остальных. Его лицо было совершенно пустым. Это было выражение, которое Юджин привык видеть на лице товарища.

Сиенна смотрела на Вермута, ожидая ответа.

— ...Верно, — в конце концов сказал Вермут. — Это была причина Клятвы.

— ...Клятва, все подробности которой известны только тебе, — укоризненно пробормотала Сиенна. Через несколько мгновений волшебница перестала смотреть на Вермута. — ..Прости меня, Вермут. Я... я просто слишком... взволнована сейчас.

— ...Давайте напишем ему эпитафию, — пробормотал Герой, поднимая руку.

Он активировал пространственную магию, которую Юджин видел во время их путешествия по Хельмуту. Из широкого проема, который, казалось, был вырезан в пространстве, на землю упал большой надгробный камень.

— В конце концов, на каждой могиле должно быть надгробие, — пробормотал Вермут.

[Хамел Динас]

(Священный календарь 421~459)

Вермут протянул руку и написал имя Хамела на надгробии.

Пошатываясь, Сиенна поднялась на ноги и подошла к Вермуту. Поколебавшись, она перевела взгляд влево и вправо, на Героя и надгробие.

— ...Я хочу написать кое-что ниже этого, — наконец сказала Сиенна.

— Хорошо, — согласился Вермут.

— Он был сукиным сыном, идиотом, засранцем, придурком, куском мусора, — читала волшебница по ходу письма.

Вермут колебался.

— ...Если это все, что ты запишешь, я не думаю, что мы можем назвать это памятным камнем.

— Вы можете просто написать все, что хотите, под этим, — настаивала Сиенна перед товарищами.

— Тогда я следующий. — Молон, по которому стекали густые капли слез, резко встал со своего места и подошел к ним.

— Ты не ошиблась, сказав, что Хамел был сукиным сыном, идиотом, засранцем, придурком и куском мусора.

— Но также он был Храбрым.

— ...Он был не только храбрым, но и Святым.

— ...Он мог быть идиотом, но он был Мудрым.

— ...Он был Великим.

Все они записали свои слова на памятном камне.

Положив памятный камень перед статуей, Вермут пробормотал:

— ...Давайте перенесем гроб.

Вермут подошел к гробу, который лежал позади него.

— Я подниму его, — сказал Молон, шагнув вперед.

Но Вермут покачал головой. — Нет. Позволь мне... нести его.

Анис прервала спор:

— Даже не думай делать это в одиночку. Все из нас... не будет ли лучше, если мы поднимем его вместе?

— Молон, пригнись, — приказала Сиенна.

Молон нахмурился.

— Почему ты хочешь, чтобы я пригнулся?

— Потому что ты намного выше нас. Поскольку мы не можем нести гроб вместе с тобой, ты должен встать на руки и колени, чтобы мы могли положить гроб тебе на спину. Таким образом, мы сможем помочь поднять его с боков, — объяснила волшебница.

— Ты действительно говоришь мне ползти с гробом на спине? Воин не должен ползти по

земле...

— Неужели ты не можешь сделать это ради Хамела?

— Ну, если это ради него...

Как только Молон начал спускаться на землю, Сиенна запаниковала и ударила его ногой по голени.

— Неужели ты не понимаешь, что это была просто шутка?!... Тебе не нужно ползать по полу. Тебе просто нужно немного нагнуться, чтобы мы могли нести его вместе, — возмущенно заявила волшебница.

Сон начал сотрясаться.

Анис кое-что заметила.

— ...Сиенна. Это ожерелье...

— Гроб... — Сиенна колебалась. — Нет... Я возьму его с собой.

— ...Это противоречит договору.

— ...Разве мы все уже не договорились об этом? — Когда сон продолжал дрожать, он увидел, как Сиенна крепче сжимает ожерелье. — После создания мира, который хотел увидеть Хамел... в то время... я отдам его ему.

Содать карусель

— ...О, Господи. — Анис сложила руки вместе и начала молиться. — Пожалуйста, отведи свой взор от этого безнравственного поступка. Если ты действительно не в состоянии пропустить это, пожалуйста, переложи все дальнейшее бремя на мои плечи, чтобы мы все могли вознестись на небеса. Таким образом... я надеюсь, что ты позволишь нам встретиться снова в одном и том же месте.

— ...Анис, ты действительно думаешь, что мы все можем попасть в рай? — спросила Сиенна.

— Если мы не в состоянии попасть туда, то кто в мире достоин попасть на небеса?

— Настаивала Святая.

— Но моя... загробная жизнь нашего племени... может отличаться от рая Бога Света,

— обеспокоенно заговорил Молон.

— Она не отличается. Рай — это... все небеса ведут в одно место. Мы обязательно сможем воссоединиться в Раю. Если это невозможно, — Анис сделала небольшую паузу, поглаживая белый гроб с грустной улыбкой. — Тогда это означает, что Бога не существует.

— Ах, — задыхался Юджин, открывая глаза.

Несколько мгновений тупо глядя на крышу палатки, юноша медленно поднялся.

— ...Черт.

Плащ Тьмы окутывал Юджина, как одеяло.

Но Священный меч Альтаир каким-то образом выступал из его плаща, а рукоять покоилась в руке юноши.

<http://tl.rulate.ru/book/51117/2399837>